

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. И. Козлов. Этническая демография. М., 1977, 240 стр.

С первого взгляда может показаться, что книга В. И. Козлова представляет интерес лишь для узкого круга специалистов. В первой главе, названной «Основы этнической демографии», разъясняется, что автор понимает под демографией вообще и этнической в частности. При этом, так как книгу он адресует «читателям, более знакомым с демографией, нежели с этнографией» (стр. 7), вполне резонно значительная часть этой главы посвящена ряду общих этнографических понятий (этнос и стадии его становления, признаки этнодиагностики и др.). Здесь же очень сжато дана и «этническая картина мира» (стр. 33—47). Вторая глава посвящена проблемам рождаемости; третья — проблемам смертности. В небольшом «Заключении» автор изложил свои взгляды на закономерности исторического хода естественного движения (прироста) мирового населения.

И только? — спросит читатель-недемограф. Да, демографию, в частности этническую демографию, В. И. Козлов действительно истолковывает как сводящуюся в своей основе только к вопросам воспроизводства населения (в данном случае — носителей этнического начала), притом воспроизводства, рассматриваемого лишь через призму рождений и смертей; он особо подчеркивает, что именно такова его точка зрения. Дефиницию демографии он формулирует несколько вычурно, но откровенно суженно: это «наука о закономерностях воспроизводства населения, складывающегося при взаимодействии процессов изменения рождаемости и смертности и отражающегося в процессе изменения численности и половозрастной структуры населения» (стр. 13); а «центральной задачей» этнической демографии в полном соответствии с этим оказывается «изучение особенностей... воспроизводства (народов.— В. П.) методами демографической науки» (стр. 53).

С этой позиции построена вся книга. Думается, что такая точка зрения слишком скупко очерчивает рамки этнической демографии (как и «общей» демографии) — к этому я еще вернусь. Но надо отдать должное автору — даже рассматривая лишь воспроизводство населения, точнее показатели рождаемости и смертности, он нашел множество красок и нюансов, сделал целый ряд тонких наблюдений и умозаключений, воссоздающих во всей их многоплановости взаимопереплетенность биологических и социальных черт хода воспроизводства рода человеческого. При этом ему удается (задача нелегкая) правильно сбалансировать эти черты. Убедительно доказывая относительную самостоятельность процессов воспроизводства населения, В. И. Козлов умело вскрывает и их связи с широким кругом социально-экономических явлений (хотя связи эти эластично-опосредствованы). Он вводит и некоторые новые понятия, например, «родительский инстинкт», выделяя его наряду с половым инстинктом из бытующего в демографической литературе общего понятия «инстинкт размножения». Надо приветствовать, что автор не убоился и понятия «оптимальный уровень воспроизводства» населения (стр. 155).

Будучи не только демографом, но прежде всего историком и этнографом, В. И. Козлов все время исходит из конкретного исторического процесса, как бы высветывая анализ «сухих» демографических показателей множеством живых черточек бытия разнообразных народов, исторических деталей; это делает неожиданно завлекательным даже явно зауженный предмет его исследования¹ и повышает глубину и доказательность изложения. Следуя по пути «исторической конкретности», В. И. Козлов в Заключении от-

¹ Замечу, что, сводя этот предмет исключительно к вопросам воспроизводства, В. И. Козлов относит к факторам рождаемости всю проблематику браков, разводов, многие биологические сюжеты; к факторам смертности — широкое рассмотрение заболеваемости и предпосылки для нее и даже всю, буквально необозримую, тематику «географии голода», прямых и косвенных людских потерь во время войн. Все это очень интересно и привлечет внимание читателя (даже если далеко уведит книгу от ее собственно этнографического стержня).

кровенно «вызывает на себя огонь» возможных критиков-пуристов. Он заявляет, что попытки «установить для каждой общественно-экономической формации свойственный якорь только ей закон воспроизводства населения... слабо обоснованы» (стр. 232); в связи с этим, в частности, обращается внимания на известную трактовку В. И. Лениным законов народонаселения как относящихся, по мнению автора, к конкретным «социальным организациям». Апеллируя к реальной исторической действительности, автор заявляет, что «некоторые социально-экономические факторы... действуют на рождаемость в одном (очевидно, надо: „и том же“.— В. П.) направлении и в капиталистической, и в социалистической стране» (стр. 234; в качестве примеров названы образование, участие женщин в производстве).

В этой прямой (в Заклучении) и скрытой (на протяжении всей книги) полемике против излишне схематического применения некоторых положений марксизма я на стороне автора; хотя думаю, что в столь многоплановой книге все же можно было показать и некоторые моменты (например, в сфере семейно-имущественных отношений и т. п.), которые создают различия в действии механизмов влияния социальных черт на воспроизводство населения в зависимости от общественного строя.

Возвращаясь к зауженности понимания В. И. Козловым предмета демографии как науки лишь о воспроизводстве (в чем я вижу основную дискуссионную сторону книги), обращаю внимание на то, что при таком понимании из этого предмета выпадает даже численность населения, не говоря уже о его размещении по континентам, странам и их областям, его распределении между городом и селом, его миграционные перемещения (для этнической демографии соответственно отсекаются эти же явления и процессы, отнесенные к этносам). Все эти сюжеты В. И. Козлов с готовностью отдает географии населения и этногеографии. Спор о разграничении сфер интересов смежных и родственных дисциплин сам по себе был бы схоластичен (тем более, что обе только что названные науки сами сильно демографизируются); я считаю, что практически важнее искать пути их творческого взаимодействия. Однако как может этнодемограф обойти численность этносов? При анализе их воспроизводства нельзя не учитывать миграции — хотя бы потому, что в ряде случаев они в такой же мере пополняют этносы, как и рождение новых их представителей. А разве не существенна проблема смешанных браков и «присоединения» к тому либо иному этносу потомства от этих браков?

Сузив предмет этнодемографии до вопросов воспроизводства населения, автор одновременно, на мой взгляд, переоценивает независимость двух явлений — «рождаемости и смертности, каждое из которых со своим кругом сложных проблем» (стр. 54). Когда на стр. 65 он говорит, что связь между этими явлениями состоит лишь в том, что «прежде, чем люди умирают, они должны родиться», это выглядит как некая шутка. Но вот на стр. 160 автор как будто хочет поправиться. Правда, сначала он опять «шутит»: «Смертность как явление не только противоположно (!) рождаемости... но и отличается (!) от нее по существу». Но затем речь все же заходит о «взаимосвязи». Читатель вправе ждать, что будет показано, например, как неизмеримо снизившаяся детская смертность облегчает удовлетворение родительского инстинкта рождением одного-двух детей и т. п. Ничего подобного! В. И. Козлов снова с чисто демографических позиций хитроумно объясняет, что повышение рождаемости, увеличивая в составе населения долю детей, у которых по возрастной смертность выше, чем у взрослых, статистически и отражает (увеличивает) и валовую смертность; к тому же смертность среди взрослых может сократить продолжительность детородного периода и пр. Все это чрезвычайно «научно» (и верно!), но уведит в сторону от проблем общего демографического климата, определяющего и демографическое поведение с его тонкими психосоциальными ориентирами². А, как мне представляется, суть дела в первую очередь именно в них.

Из менее существенных критических замечаний обращаю внимание также на то, что приводимый автором фактический материал (о связи с расовыми чертами распределения отрицательного резус-фактора или многоплодия, о «защитности» некоторых расовых особенностей против болезней и т. п., см. стр. 87, 88, 90, 172, 173 и др.) требовал бы большей осторожности в отрицании влияния «расового фактора» на ход воспроизводства населения. На стр. 82 ареал сапиентизации предков современных людей неправоммерно сужен до «какого-то района Малой Азии». На стр. 3 заявлено, что к концу XXI в. мировое население «может достичь нескольких десятков (разрядка моя.— В. П.) миллиардов» (человек) — таких цифр обычно не называют даже футурологи-алармисты, и это высказывание хочется считать просто опиской.

Можно было бы кое-где придаться и к редакции текста. На стр. 102 говорится о «штатах Индии» применительно к 1921 г., но тогда здесь были лишь провинции и туземные княжества. На стр. 72 режет глаз упоминание в одном ряду приемных детей (названных униженно приемышами), котят и щенков. Вряд ли понятным покажется оборот «естественные и (?) личные начала детопроизводства» (стр. 77).

Однако в целом изложение в книге ясное, доходчивое и выразительное. Несмотря на все сделанные выше критические замечания (которые, впрочем, надо считать скорее вызванными книгой размышлениями), новый труд В. И. Козлова — ценный вклад в нашу

² Впрочем, В. И. Козлов столь же серьезно заявляет, что «воспетое поэтами чувство любви до сих пор не вполне изучено» (с. 70).

научную литературу, и появление его следует оценить как положительное событие. В книге многое недосказано (например, можно было бы посетовать, что недостаточно освещен феномен двойного этнического самосознания), но зато сюжеты, вошедшие в замысел книги, разобраны глубоко и интересно. Главную же ценность книги надо видеть в том, что она укрепляет мост, соединяющий две общественные науки, сам предмет которых «почти» один и тот же — этнографию и демографию.

В. В. Покшишевский

М. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, 381 стр.

Теоретическое обобщение опыта развития советского народа как новой социальной и интернациональной общности имеет огромное значение. Этому посвящена новая книга М. И. Куличенко. Остановимся на наиболее интересных, с точки зрения этнографии и этносоциологии, вопросах, рассмотренных в ней.

В работе сделана попытка обобщения практического опыта руководства национальными процессами в СССР. Автор исходил не только из чисто академических интересов, но и из практических задач управления национальными процессами в нашей стране. В центре его внимания — проблема диалектики национального и интернационального. Именно диалектики, ибо через всю работу проходит мысль, что метафизический разрыв этих сторон ведет к путанице в теории и ошибочным тенденциям на практике (стр. 11). Эта мысль последовательно раскрывается на различных уровнях национальных отношений: при характеристике экономических, социальных, политических и духовных основ сближения наций.

Представляет интерес анализ автором понятий «интернационализация общественной жизни», «сближение наций», «слияние наций», «ассимиляция наций». По его мнению, «интернационализация охватывает все сферы общественных отношений, в том числе и национальные» (стр. 15). Интернационализация связывается им с развитием общих черт наций, обусловленных прежде всего развитием производительных сил и производственных отношений; сближение наций выступает как один из итоговых аспектов развития интернационализации, связанный не только с расширением взаимосвязей наций и их культур, но и с отмиранием в национальной культуре и национальных отношениях всего мешающего позитивному взаимодействию наций; наконец, слияние наций это общий процесс отмирания всяких национальных различий, в результате которого все нации сливаются в безнациональную общность. Ассимиляция же — это не отмирание национальных различий, а замена одной национальной принадлежности другой. Автор справедливо указывает, что часто встречающиеся неточности в употреблении этих понятий тормозят теоретическое осмысление происходящих процессов.

Однако терминологические вопросы не играют в работе самостоятельной роли. Их рассмотрение необходимо при обсуждении основных тенденций развития наций и национальных отношений в советском обществе. В работе критикуется позиция некоторых исследователей, утверждающих, на основе ссылок на отдельные цитаты из работ В. И. Ленина, что уже в условиях социализма происходит не только сближение, но и слияние наций. Автор уточняет, что применительно к эпохе капитализма В. И. Ленин под «слиянием» понимал объединение рабочих в их революционной борьбе против эксплуататоров за социальное освобождение. По отношению к эпохе социализма «слияние наций» обозначает единство коренных интересов, основных задач и целей, а не стирание всяческих национальных различий. В книге отмечается, что нации сойдут с исторической арены лишь после того, как полностью исчерпают свою прогрессивную роль как форма социальной и культурной организации общества (стр. 56). В условиях же зрелого социализма они «не рудимент, а активнейшая форма общности людей» (стр. 43). Поэтому национальные отношения при социализме не только не отмирают как область социальных отношений, но развиваются, выдвигая новые проблемы и задачи (там же). На всех этапах развития социализма происходит сближение наций, связанное, как уже отмечалось, с изменением их важнейших признаков. Однако далеко не все из них преобразуются с одинаковой скоростью. «Больше преобразуются те признаки, те национальные различия, которые обуславливаются наследием прошлого во взаимоотношениях народов, уровнями экономического, социально-политического, идейно-культурного и нравственно-психологического развития. Меньше преобразуются признаки и различия, зависящие от этнических факторов» (стр. 48). Правда, автор не говорит, что именно он подразумевает под «этническими факторами». Однако, если их понимать как совокупность устойчивых культурных особенностей наций и национальное самосознание, то с этим выводом можно согласиться. С указанными моментами неразрывно связаны еще два процесса, на которые обращается внимание в книге: во-первых, возрастание значения социальных факторов в жизни нации по сравнению с национальными; во-вторых, увеличение роли интернациональных факторов по сравнению с узконациональными как в экономической, так и в культурной сфере.